иначе решают этические проблемы, чем первые пять «русских». Однако анализ вновь созданных сатир и переработанных ранних опровергает утверждения об идейном и художественном «спаде» Кантемира. Раздумья над ролью воспитания, над назначением литературы и сатиры, в частности, имели не отвлеченный характер, они помогали Кантемиру определить свое место в общественной жизни, увидеть в поэтической деятельности свою гражданскую обязанность. Какое живое и плодотворное значение имели для него эти размышления, показывает общий вывод писателя, что можно предотвратить появление «злых нравов» воспитанием и наукой. Переработка «русских» сатир убедительно доказывает высокий рост художественного мастерства сатирика.

Однако этим не ограничиваются наши возражения на статью З. И. Гершковича. Сравнение двух сатир сделано им бегло, внешне и не может убедить читателя в том, что «сатиры эти связаны между собой внутренней преемственностью общего замысла», что «это не просто произведения, написанные на сходную тему и в сходном духе, но два произведения, из которых позднейшее (IX сатира) является органическим продолжением и развитием предшествующего (I сатиры)».[50]

Чтобы обосновать свое утверждение, З. И. Гершкович сопоставляет похожие места из обеих сатир. Так, он полагает, что образ «безмозглого сошника» развит из следующих строк и примечаний к ним I сатиры:

Ереси и расколы науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
В безбожие приходит, кто над книгой тает, —
Говорит тот, кто и сам мало бога знает.[51]

Но исследователь упускает из виду, что при переработке I сатиры эти стихи перешли в характеристику Критона, с церковных позиций выступающего против науки, что именно в этом сатирик видел его опасность. Здесь Кантемир использует возможность высказать свое отношение к подлинной причине расколов и ересей. Он отводит упрек науке, будто она порождает безбожие, следующими словами: «Обыкновенное невежд мнение есть, что все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество и изрядный порядок твари познает, что удобнее из книг бывает, столько больше чтить творца природным смыслом убеждается».[52] Так, мнимой религиозности противопоставлена деистическая вера в разумного

[50] Там же, стр. 61.
[51] Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 362.
[52] Там же, стр. 63.